

Фролов Я. В., Чекрыжова О. И. Изображение головы фантастического хищника из кургана I могильника Михайловский VI и его параллели в искусстве народов Азии // Михайловский район: очерки истории и культуры. — Барнаул. — 1999. — С. 51-65.

Оцифровка, корректорская работа: Н. В. Бардичева, 2020

ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОЛОВЫ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ХИЩНИКА ИЗ КУРГАНА I МОГИЛЬНИКА МИХАЙЛОВСКИЙ VI И ЕГО ПАРАЛЛЕЛИ В ИСКУССТВЕ НАРОДОВ АЗИИ

Я. В. Фролов, О. И. Чекрыжова

Находки предметов искусства в курганах раннего железного века Кулунды очень редки. Связано это прежде всего с тем, что большинство подкурганых захоронений в лесостепном Алтае ограблено. Поэтому любая вещь, выполненная в художественной манере, является уникальной и подвергается исследователями всестороннему анализу. При их внимательном изучении можно выяснить не только хронологию, культурную принадлежность погребений, где были обнаружены такие изделия, межэтнические взаимосвязи древнего населения, но и реконструировать некоторые черты мировоззрения древних народов. Находка навершия гривны, выполненная в виде головы фантастического существа из могильника Михайловский VI, один из немногих предметов, которые могут пролить свет на прошлое населения Кулундинской степи в раннем железном веке. Рассматриваемое нами навершие найдено в грабительском перекопе практически полностью разрушенного бокового погребения № 2 и представляет собой обломок браслета или, что наиболее вероятно, шейной гривны. Оно изготовлено из листового золота, покрывающего железную основу. Максимальная длина изделия 2,8 см, ширина 1,2 см. Навершие выполнено в виде головы животного с раскрытой пастью. Широкий нос зверя приподнят и украшен вертикально волнистыми линиями, имитирующими складки кожи, спереди двумя кружками обозначены широкие ноздри. Подобным же образом декорированы полусферические объёмы по бокам головы, напоминающие львиную гриву. Глаза вытянутой формы чётко очерченные, моделировка поверхности над глазом создаёт впечатление приподнятой брови. К верхней губе этого существа припаяны три коротких проволочных, четырёхгранных в сечении отрезка. Их концы обломаны. Длинные, остроконечные выгнутые вперёд рога S-образной формы покрыты рельефным орнаментом, передающим фактуру рога. К нижней губе и к основанию шеи зверя припаяны две круглых в сечении проволочных петли, служившие, вероятно, для крепления каких-то подвесок. Шея животного украшена короткими насечками (рис. 1,1). Реконструкция данной гривны показана на рис. 4-3 и способы ношения подобных фрагментов на рис. 4-5, 4-6.

Данная находка уникальная сама по себе. Ничего подобного археологами в погребениях раннего железного века Западной Сибири ещё найдено не было.

Похожие изделия происходят из Сибирской коллекции Петра I, обнаруженной бугровщиками в начале XVIII века в разграбленных ими сибирских курганах. Это навершия от гривен — шейных украшений в виде неширокого обруча с несомкнутыми концами. Ряд подобных предметов имеет навершия, оформленные в виде фигур грифонов. Их головы также имеют загнутые назад ребристые рога, открытую пасть, складки на верхней губе и носе, сходным образом обозначенную гриву (рис. 2-1,2) (Руденко С. И., 1962, табл. XI-1,2, XVII). Интересно и мнение Г. Боровки о том, что голова грифона на одной из гривен Сибирской коллекции Петра I первоначально предназначалась для другого изделия (гривны), где служила отдельным украшением (рис. 2,2) (Боровка Г., 1994, с. 37). Это ещё больше сближает эту гривну с изображением из могильника Михайловский VI.

Известны подобные изделия и в Средней Азии, Малой Азии и даже Египте (рис. 3-2,3) (Rehm E., 1992, Abb. 47; Pfrommer M., 1990, Taf. 42,3; Пиотровский В. В., 1954, с. 150-151, рис. 3). Все эти предметы связаны с гривнами, изготавливаемыми на Ближнем и Среднем Востоке в ахеменидское время (VI-IV вв. до н. э.) — время могущества Персидского царства (Руденко С. И., 1962, с. 18-19; Rehm E., 1992, с. 42, 47, 48, Abb. 1-110). Большинство из приведённых выше предметов, видимо, было и изготовлено древнеиранскими мастерами.

Другой круг аналогий выявляется в Горном Алтае в скифское время. Здесь на наконечниках гривен, выполненных из дерева и иногда покрытых золотой фольгой, также присутствуют изображения животных с раскрытой пастью и рогами антилопы или козла (Кубарев В. Д., 1987, рис. 46-2; Кубарев В. Д., 1991, рис. 33-6; Киселёв С. В., 1949, табл. XXXII-7,8).

Как считает большинство исследователей, гривны являлись не просто украшениями, а выступали ещё и как знаки — инсигнии (символы) власти (Дандамаев М. А., Луконин В. Г., 1980, с. 327). Обычно они обнаруживаются археологами в богатых или чем-то выдающихся погребениях. Гривны надеты на шеи ряда персидских сановников на рельефах дворца Ксеркса в Персеполе (одной из столиц древней Персии), лишь у немногих лиц свиты Дария и у самого Дария III на помпейской мозаике (рис. 4,1-2) (Манцевич А. П., 1987, с. 57). Имеются свидетельства греческих авторов, что гривны и браслеты были специфическим украшением мидийской знати (Ксенофонт, Киропедия, I, III, 2). Возможно, мода на подобные украшения распространяется и на северную периферию государства Ахеменидов — на скифский мир. Как раз в V-IV вв. до н. э. гривны появляются и у скифов Причерноморья, у саков, савроматов, в Горном Алтае и других регионах Западной Сибири. Так что нет ничего удивительного, что обломок подобного предмета найден в одном из элитарных погребений на юге Кулунды в Михайловском районе.

Куда больший интерес вызывает сам образ, представленный на навершии гривны. Это голова хищника с открытой пастью, увенчанная изогнутыми рогами. В целом сюжеты, где присутствует хищник с рогами антилопы или козла, рогатый львиноголовый грифон характерны именно для Передней и Средней Азии, Горного Алтая и районов, откуда происходит Сибирская коллекция Петра I (Баркова Л. Л., 1985, с. 30-44; Rehm E., 1992, с. 42, 47, 48; Руденко С. И., 1961, с. 51-52; Руденко С. И., 1962, с. 18-19 и т. д.). Самые ранние изображения кошачьих хищников с раскрытой пастью, рогами и очень часто крыльями обнаружены в ассирийском искусстве (Руденко С. И., 1961, рис. 2,3; Он же, 1963 — 147; Сараниди В. И., 1989, с. 97; Ремпель Л. И., 1987, рис. 54). И, по-видимому, от этих образцов происходят и подобные мотивы у персов эпохи Ахеменидов, которые затем распространились у ранних кочевников Евразийских степей и, прежде всего, в Горном Алтае (Руденко С. И., 1962, с. 18-19; Rehm E., 1992, с. 42, 47, 48; Pfrommer M., 1990; 1990a; Баркова Л. Л., 1985, с. 41; Сараниди В. И., 1987, с. 128, рис. 45). Крылатых и рогатых львов современные исследователи очень часто называют львиноголовыми грифонами, львогрифонами, львиными грифонами или просто грифами (Руденко С. И., 1960, 290-293; Баркова Л. Л., 1985, с. 37; Ремпель Л. И., 1987, 42-44; Бонград-Левин Г. М., Грантовский Э. А., 1983, с. 81). По всей видимости, голову рогатого хищника из Михайловского могильника также можно связать с крылатым кошачьим хищником, так как именно для них были характерны небольшие изогнутые назад рога. Название «грифон» для подобных существ применяется условно. Грифон — это образ, пришедший к нам из греческой мифологии. Классические изображения греческих грифонов представляют собой фантастических полиморфных существ с телом кошачьего хищника, с крыльями, головой хищной птицы с ушами, часто увенчанной рогами (Замаровский В., 1994, с. 118). В античной литературе о грифах — грифонах, стерегущих золото, писал Геродот (Геродот IV, 13). Как отмечает В. Замаровский, Геродот считал, что это чудовища с львиными телами и орлиными

крыльями и когтями, живущие на крайнем севере Азии. В более позднее время греки думали, что грифоны живут в Индии или Бактрии. В Бактрии эти существа вырывали из земли золото и делали из него гнёзда, а люди подбирали обломки этих гнёзд (Замаровский В., 1994, с. 118-119). Как видим, эти существа имели очень большое значение в мифологии народов Евразии, если даже греки восприняли ряд сюжетов, связанных с грифонами. Грифон в древности также ассоциировался с золотом, которое он охранял от одноглазых аримаспов или золотоискателей в Индии. Как здесь не вспомнить сделанные из золота гривны с изображением подобных существ. Вырытое из земли золото можно связать с находками из разграбленных могил. Здесь следует отметить ещё и функцию, которую выполняют грифоны, судя по греческим преданиям, — это охрана, в частности, охрана золота. В этой связи интересно, что в ахеменидский Иран образ крылатого и рогатого льва, возможно, проникает из более раннего месопотамского искусства. Наиболее близкие иранским изображения крылатых кошачьих хищников с раскрытой пастью, рогами — львиноголовых грифонов обнаружены в ассирийском искусстве (Руденко С. И., 1961, рис. 2,3; Он же, 1963-147; Сарияниди В. И., 1989, с. 97; Ремпель Л. И., 1987, рис. 54). Из месопотамской мифологии известны гибриды львов с хищными птицами и другими животными и человеком — например, полиморфные существа Сируши или Мухшуши («вавилонские драконы»), Карубу (крылатые сторожевые быки с человеческими головами), Шеду (ассирийские охранители врат) (Замаровский В., 1994, с. 118-119; Дандамаев М. А., Луконин В. Г., 1980, с. 327). Может быть, что этот образ месопотамского охранителя в древнеиранской мифологии переплетается с таким понятием, как авестийское «хварно» — харизма, сакральная сила, знак царственной власти, для простых смертных символ удачи, охранения. Своё хварно имела каждая семья, каждый род и каждая страна. В Авесте очень часто хварно выступает как птица Варагн. В более позднее сасанидское время оно изображалось как горный баран — Фарн (Рака И. В., 1997, с. 467). Мы не нашли никаких данных, что хварно имело в какой-то из своих инкарнаций образ кошачьего хищника. Но здесь хотелось бы обратить внимание на ряд изображений львов с рогами горного барана (рис. 2-3-5) в искусстве древнего Ирана. Возможно, здесь можно проложить мостик между Фарном и крылатым львом. Е. Е. Кузьмина сравнивает различных грифоноподобных существ, изображённых на ножнах из Келермеса и Мельгуновского кургана, с птицей Варагн и Фарном (Кузьмина Е. Е., 1976, с. 59). Так же неясно, как изображали древние иранцы и саму птицу Варагн, может быть, это был в их представлении и грифон. Хварно, птица Варагн в авестийской традиции связаны с богом войны и победы Вэртрагной (Авеста, Бахрам-яшт). Вполне возможно, что в этой связи рассматриваемый нами образ перекликается с древнемесопотамским богом войны и воинской доблести Нинуртой, который изображался и как крылатый лев — грифон (Афанасьева В. К., 1992, с. 152). Ахемениды, впитывая в свою идеологию различные верования покорённых ими народов, могли воспринять древнемесопотамский образ грифона — крылатого льва и использовать его как символ царской власти, символ своего хварно, символ своих удач и побед. Крылатые львы очень часто изображались на рельефах во дворцах Ахеменидов наряду с символом Ахурамазды.

Как отмечают исследователи, и у северных иранских племён (скифов, саков) в мировоззрении присутствовало древнеиранское понятие о «хварно» (Грантовский Э. А., 1970, с. 158). Образ крылатого и рогатого кошачьего хищника проникает и на территорию Южной Сибири. Здесь с V в. до н. э. распространяются подобные изображения, особенно много их в Пазырыкских курганах — захоронениях знати скифского времени в Горном Алтае. Возможно, и здесь он выступает как символ могущества, власти и военной мощи царей скифоидных племён, населяющих степи и горы Южной и Западной Сибири. Он выступает как оберег, талисман символ удачи — хварно царского рода. Это вполне возможно, если рассматривать изображения в скифо-сибирском зверином стиле как отражения каких-то воззрений, восходящих к тотемизму.

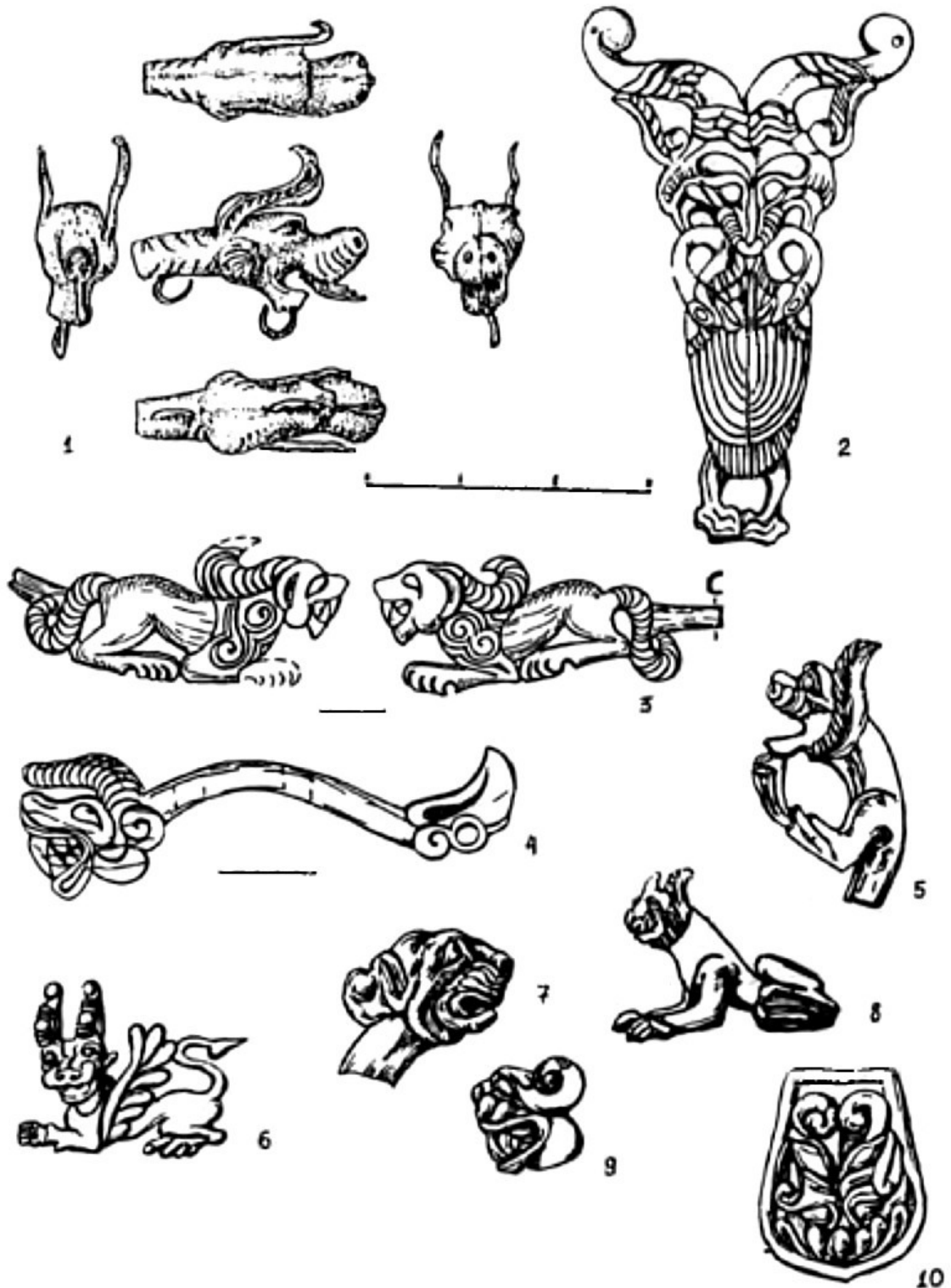

Рис. 1. 1 — навершие гривны из могильника Михайловский VI;
 2, 5, 6, 8 — 2-й Пазырыкский курган; 7 — 4-й Пазырыкский курган;
 9, 10 — 5-й Пазырыкский курган (по Руденко С. И., 1960);
 3, 4 — Уландрык IV, к. 2 (по Кубарев В. Д., 1987);
 11 — Юстыд I, к. 2 (по Кубарев В. Д., 1991) *.

* Прим. корректора — иллюстрация 11 в оригинале статьи отсутствует.

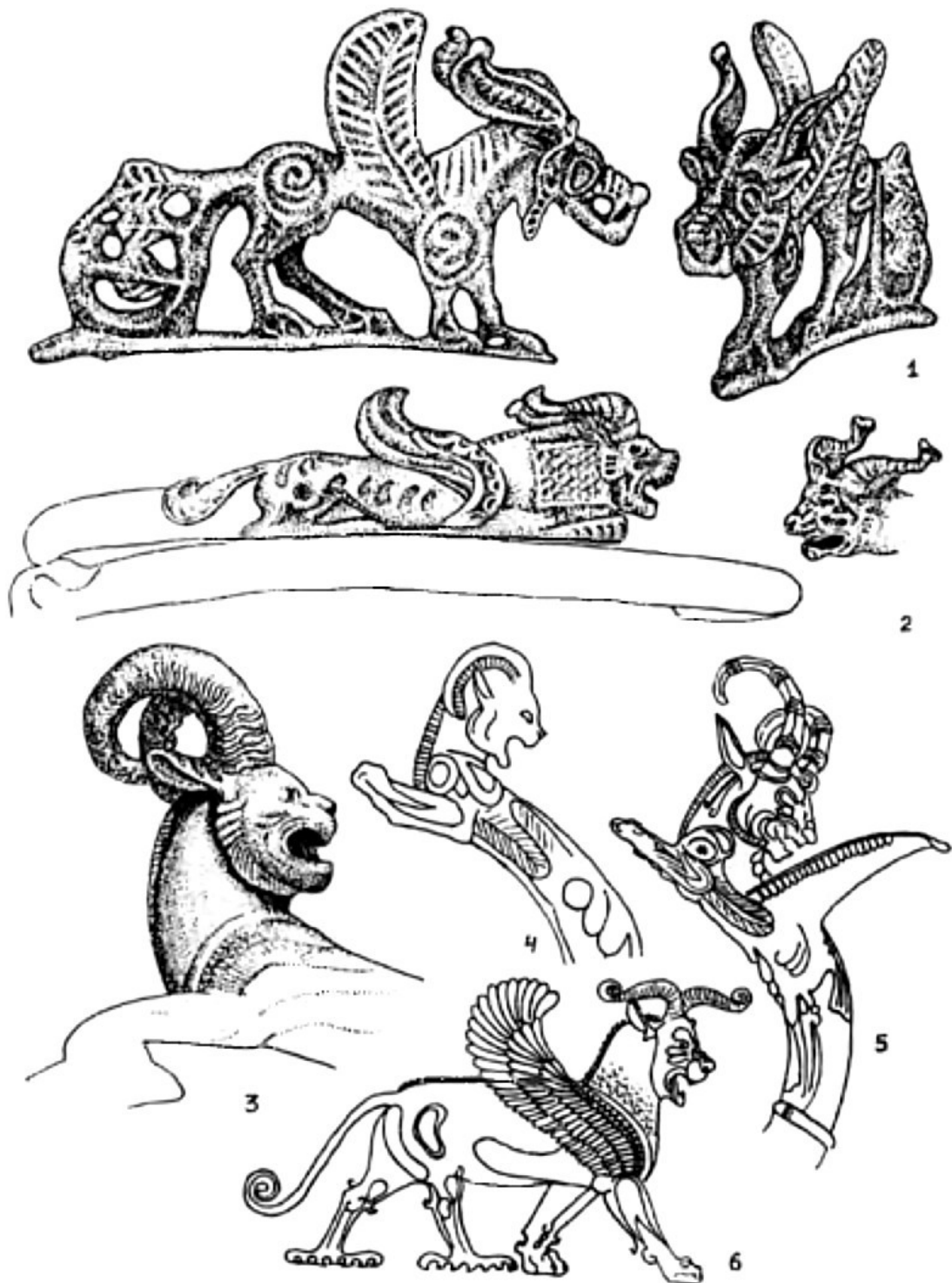

Рис. 2. 1, 2 — Сибирская коллекция Петра I (по Руденко С. И., 1962);
 3 — J. Paul Getty Museum; 4 — Маниса, муз. г. Измир); 5 — Кукова Могила, муз. г. София;
 6 — Сузы (2-6 — по Rfrommer M., 1990a).
 1, 2, 3 — прорисовки по фотографиям.

Если рассматривать образы львиноголовых грифонов в искусстве того или иного региона, то следует выделить ряд особенностей. Так, для изображений рогов S-образной формы, распространённых в Передней Азии, характерны окончания в виде плоскосрезанного шарика, реже просто небольшого шарика или завитка (рис. 2-1,2,6; 3-3) (Руденко С. И., 1962, табл. XI, XVII; Rehm E., 1992, Abb. 35,44,45,47; Pfrommer M., 1990, Abb. 16-43-47, 49,50; 1990a, Abb. 6; Баркова Л. Л., 1985, с. 39-40). В подавляющем большинстве случаев рога загнуты назад (рис. 2-1,2,6). Единственное известное нам изображение львиноголового грифона, где присутствует выгнутый вперёд рог, это изразцовый рельеф из Персеполя (рис. 2-6) (Pfrommer M., 1990, Abb. 6). Львиноголовые грифоны и львы у персов и в Ассирии обозначены обычно с раскрытой пастью, со складками у носа и на щеках. Чётко выделяется грива. Морда у этих животных имеет классические кошачьи черты. Лев здесь легко узнаваем (рис. 2-3-6) (Pfrommer M., 1990, Abb. 6,7, Taf. 36,37,40,44; Руденко С. И., 1960, рис. 147; Он же, 1961, рис. 2,3,13; Rehm E., 1992, Abb. 4-10,52,60).

В изображениях львиноголовых грифонов с рогами S-образной формы, найденных на территории Горного Алтая, выявляются другие особенности. Хотя здесь также характерны окончания рогов в виде шариков (рис. 1-2,6,7,9,10) (Руденко С. И., 1960, рис. 148-и, 149, 150-а), но часто присутствуют и остроконечные рога (рис. 1-3-5, 8,11) (Руденко С. И., 1960, рис. 144-г, л; Кубарев В. Д., 1987, табл. LXXII-7, LXXIV-23; Кубарев В. Д., 1991, рис. 33-6). На нескольких предметах есть изображения кошачьих хищников с выгнутыми вперёд рогами (рис. 1-4,5,8,11) (Руденко С. И., 1960, рис. 144-г, л; Кубарев В. Д., 1987, табл. LXXII-7; Кубарев В. Д., 1991, рис. 33-6). Так же, как и в ахеменидском искусстве, у этих животных представлена раскрытая пасть, складки на верхней губе, обозначена грива (рис. 1-2-11) (Кубарев В. Д., 1987, рис. 11-5,46-2; 1991, рис. 33-6); Руденко С. И., 1953, рис. 72,75,79,162,163,164; Он же, 1960, рис. 143-ж,144,149,150-а,151). По всей видимости, большинство изображений рогатых кошачьих хищников является подражаниями выполненным на более высоком художественном уровне переднеазиатским образам. В горно-алтайском искусстве скифской эпохи наблюдается большая декоративность, стилизация многих мотивов. Это касается и львиноголовых грифонов. Так, на многих изображениях кошачьих хищников рога принимают форму небольших завитков позади головы или выступов сверху, в которых уже трудно узнать первоначальный образ (рис. 1-5-10) (Руденко С. И., 1953, рис. 72,75,79,162,163,164, табл. XLV-1-3, XLVIII-2, LVI, LXIII, LXVII-LXIX; Он же, 1960, рис. 143-ж,144,149,150-а,151). Стилизацией являются и шарики на концах рогов, которые на некоторых изображениях вообще исчезают (Руденко С. И., 1963, рис. 148-и, к, 149,150-а и т. д.). Загнутые вперёд рога также, вероятно, отражают дальнейшую переработку более раннего мотива — развёрнутых парных рогов (Кубарев В. Д., 1987, табл. LXXII-7; Он же, 1991, табл. V-5 и др.). Часто один элемент переходит в другой, так, на псалиях из Первого Пазырыкского кургана изогнутый вперёд остроконечный рог сливается с гривой и образуется своеобразная S-образная скобка позади головы (рис. 1-5,8) (Руденко С. И., 1953, табл. XLV-1-3). Морда кошачьего хищника очень часто гипертрофирована, изображена с массивным носом, очень крупными складками на верхней губе (рис. 1-9,10) (Руденко С. И., 1953, табл. LIV-2-4; LVI-1-3; LVI, LXIII, LXVII-LXIX).

Если в целом рассматривать иконографию изображений голов львиных грифонов, то можно выделить следующие общие черты этого образа: широко раскрытая пасть, складки на верхней губе и щеках, оформленная в задней нижней части параллельными линиями грива, рога, в большинстве случаев S-образной формы. Видимо, остальные детали изображений следует рассматривать как стилистические особенности искусства того или иного региона.

Головка рогатого животного из могильника Михайловский VI вряд ли может быть предметом импорта, а что наиболее вероятно, является подражанием классическим персидским образам и изготовлена местными мастерами. Так, здесь присутствуют все

иконографические детали образа львиноголового грифона: рога S-образной формы, раскрытая пасть, складки на верхней губе, грива. Но ряд деталей оформления сближает это изделие с искусством скифского времени Горного Алтая. Это, прежде всего, трактовка загнутых вперёд остроконечных рогов; вертикальные складки на верхней губе, которые являются отличительной чертой горно-алтайских изображений; массивный нос; глаз, выполненный в типичной для Горного Алтая манере. Если рассматривать этот образ в целом, то здесь уже довольно трудно узнать черты кошачьего хищника. Наиболее несоответствующей этому образу деталью является удлинённая морда, совершенно не характерная для породы кошачьих. Наиболее близко в этом отношении изображение львиноголового грифона на концах гривны из коллекции Петра I (Руденко С. И., 1962, табл. XI-1,2). Рогатых животных с удлинённой мордой можно встретить и на пазырыкских материалах. Так, раскрытую пасть, короткий загнутый вперёд рог с шариком на конце и длинную морду имеет зверь на татуировке мужчины из второго Пазырыкского кургана (Руденко С. И., 1953, рис. 180).

У современного исследователя некоторые детали этого изображения из могильника Михайловский VI вызывают ассоциации с образом дракона — небольшие рога; удлинённый, вздёрнутый нос; обломки проволоки, припаянные к верхней губе, напоминающие язык пресмыкающегося или языки пламени. Но, по-видимому, эта трактовка данного изделия ошибочна. Так, в целом для искусства кочевников евразийских степей скифского времени не характерны изображения драконов, да и пресмыкающихся в целом. По-видимому, этот образ проникает в среду кочевников в гунно-сарматское время. Так, довольно близкое к михайловскому изображение драконообразного существа с телом льва, крыльями, длинной шеей и удлинённой, увенчанной рогами, мордой можно увидеть на Каргалинской диадеме. Здесь наблюдается смешение двух образов — львиноголового грифона и дракона (рис. 3-5) (Бернштам А. Н., 1952, с. 130-132, рис. 65-1; Самашев З., 1996, рис. 6-4). Существа, в которых просматривается ряд черт драконов, представлены на украшениях из Тиллятепе. Морды у этих животных довольно массивны, увенчаны изогнутыми назад рогами. Пасть широко раскрыта. Эти детали сходны с иконографическим образом рогатого кошачьего хищника. Но другие черты присущи уже пресмыкающемуся: длинные шея, тело, хвост, удлинённая морда (Сарианиди В. И., 1989, рис. 18,33,37). Как отмечает автор раскопок, в этих предметах наблюдается смешение греко-бактрийских и привнесённых кочевнических традиций. Наиболее близкие аналогии им он находит на Алтае (Сарианиди В. И., 1989, с. 77). Из могильника Сидоровка I (Омское Прииртышье) происходит классическая поясная пластина, где представлена сцена борьбы дракона с кошачьими хищниками (Матющенко В. И., Тагаурова Л. В., 1997, рис. 27). Рогатые драконы присутствуют в художественных композициях на ряде пластин хуннского времени из Ордоса и Сибирской коллекции Петра I (Руденко С. И., 1962, табл. IX-6-8, Дэвлет М. А., 1980, табл. 11,12). Сходное по иконографии изображение дракона можно встретить на китайском блюде эпохи Старших Хань (рис. 3-6) (Бернштам А. Н., 1952, с. 130-132, рис. 65-2). Известны наскальные рисунки подобных существ и в более позднее время, но там они несут во многом уже и птичьи черты (рис. 3-8) (Самашев З., 1996, рис. 5). Пока неясно, где следует искать истоки образа дракона. Сейчас выделяются два сформировавшихся независимо друг от друга центра происхождения этого мотива — в Месопотамии и Юго-Восточной Азии (Сарианиди В. И., 1989, с. 98). Но, как отмечают некоторые специалисты, изображения драконов из Китая нельзя считать местными (Сарианиди В. И., 1989, с. 98; Salmony, 1933, Pl. XXII. 3). Здесь следует отметить, что Сальмони опирался, прежде всего, на изделия ранних кочевников Ордоса, которые действительно не являются непосредственно китайскими. Но вряд ли появление этого образа в Центральной Азии и Китае следует связывать с западным влиянием кочевников сарматского круга (Сарианиди В. И., 1989, с. 98; Salmony, 1933, Pl. XXII. 3), так как там этот мотив на более ранних материалах не прослеживается. Возможно, этот персонаж искусства

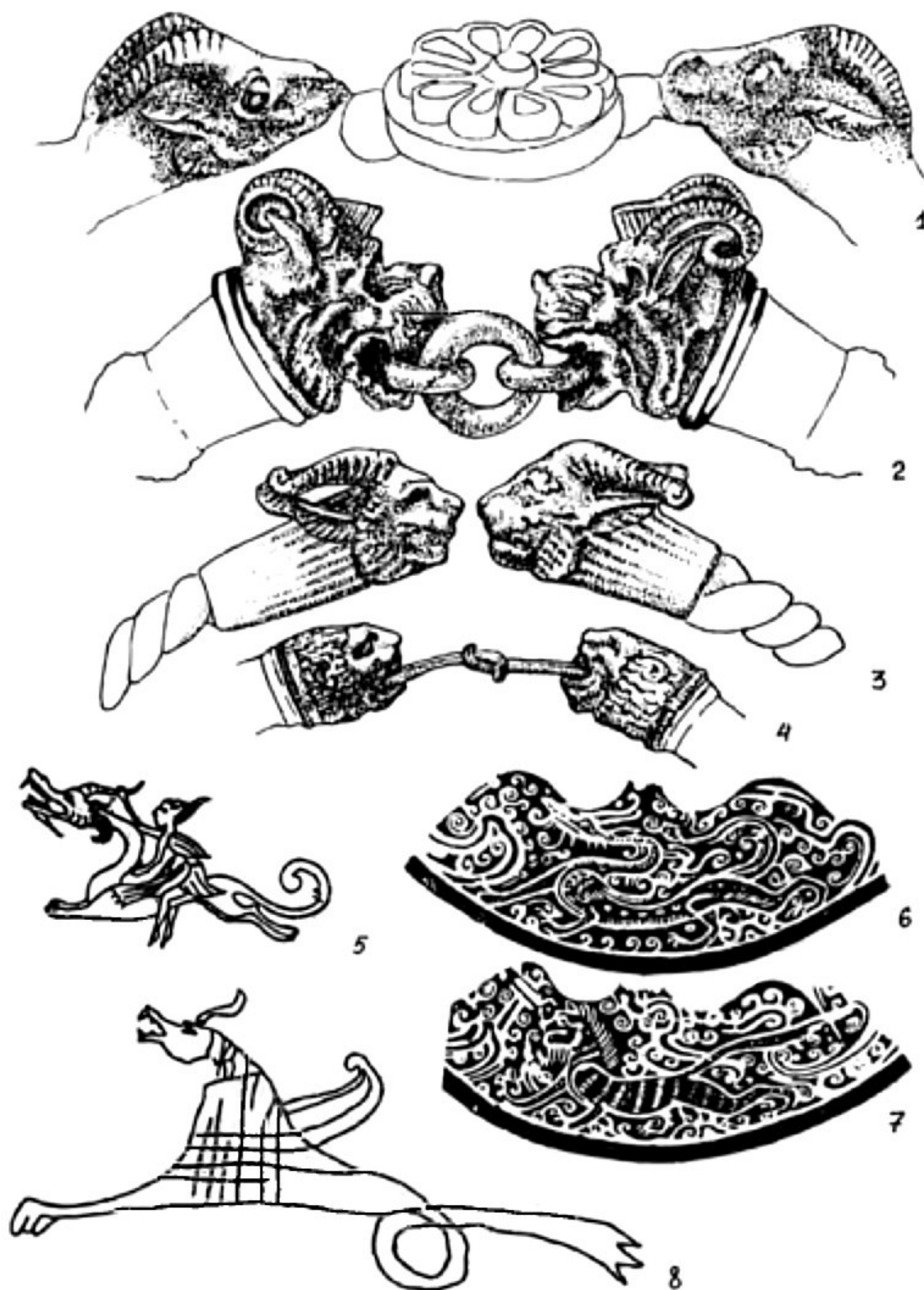

Рис. 3. 1 — наверхия гривны, Передняя Азия (по Reht E., 1992); 2 — Тук ель-Карамуз (Каирский археологический музей) (по Pfrommer M., 1990a); 3 — Амударьинский клад (по Reht E., 1992); 4 — Солоха (по Манцевич А. П., 1987); 5 — Каргалинская диадема (фрагмент) (по Самашев З., 1996); 6-7 — фрагменты бронзового блюда из коллекции Лоо (по Бернштам А. Н., 1952); 8 — петроглифы Жалтык-Таша (по Самашев З., 1996).

1-4 — прорисовки по фотографиям.

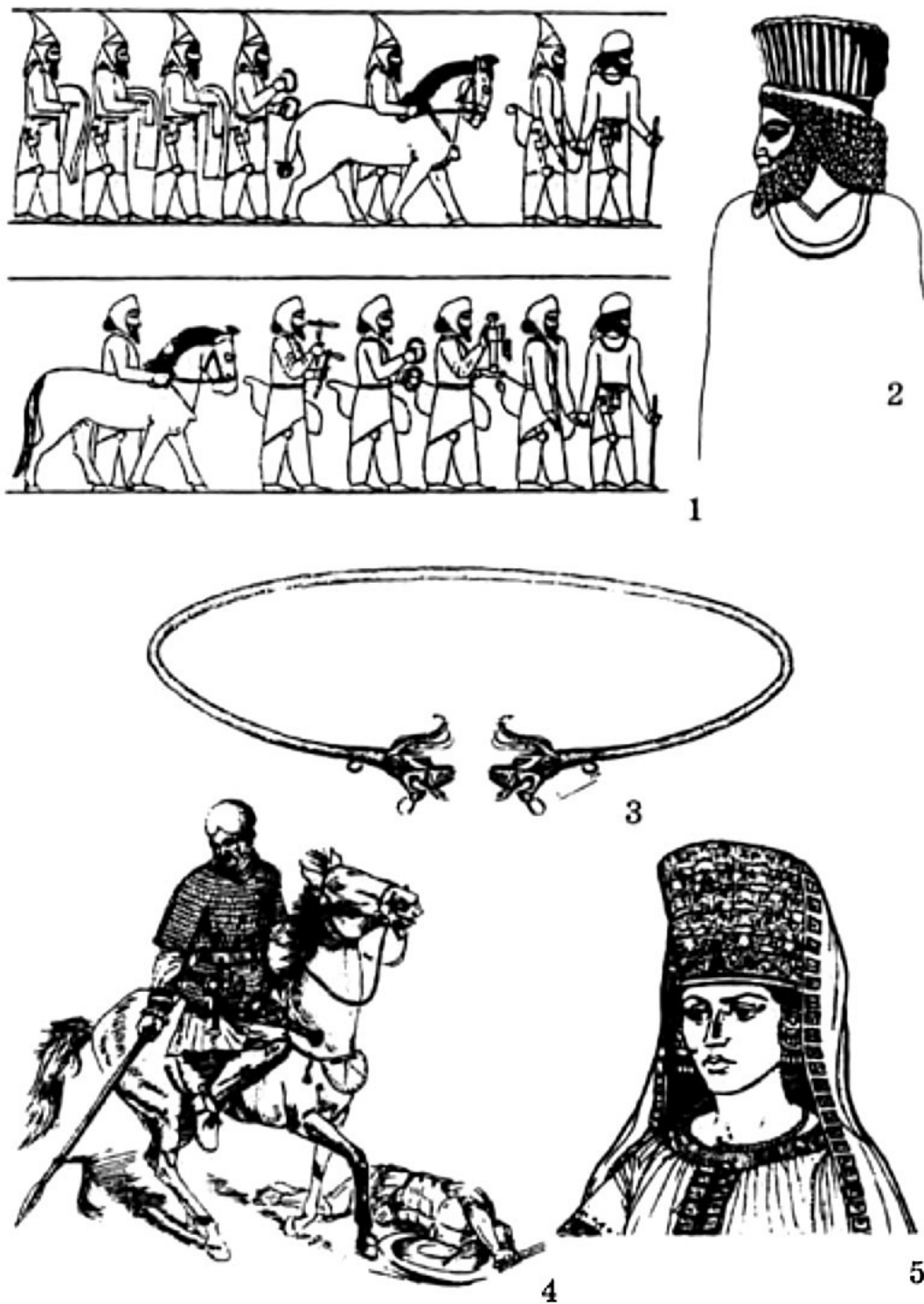

Рис. 4. 1 — деталь рельефа на лестнице Ападаны в Персеполе (по Trümpelmann L., 1988. Abb. 10, 11); 2 — деталь рельефа на лестнице Ападаны в Персеполе (по Calmeyer P., 1991, Taf. 16, z, прорисовка по фотографии); 3 — реконструкция гривны из могильника Михайловский VI; 4 — скифский всадник V-IV вв. до н. э. Реконструкция по могиле из Солохи (по Sernenko E. V., 1991); 5 — реконструкция наряда скифской царицы из Толстой могилы (по Klocko S., 1991, Abb. 6). На рисунке изменена форма гривны.

заимствован всё же у китайцев кочевниками Ордоса, где и был трансформирован, соединён с местными мотивами и, в частности, с образом львиноголового грифона, рогатого кошачьего хищника, изображения которого, датирующиеся III-II вв. до н. э., мы находим в этих же районах (Дэвлет М. А., 1980, рис. 3-6; Bunker E. C., 1997, Fig. 220). Не исключено, что некоторые детали образа грифона заимствуются и в Китае у своих северных соседей. Может быть, это такие элементы как загнутые рожки на голове у драконов. Г. Боровка даже считает, что схема маски (в том числе и рога) Тао-те на ритуальных сосудах эпохи Чжоу также продолжает аналогичные скифо-иранские образцы (Боровка Г., 1994, с. 59). Конечно, это довольно смелое утверждение, но, не исключено, что какие-то проникновения сюжетов северных кочевников возможно проследить и в искусстве эпохи Чжоу. По-видимому, проникновение в искусство ранних кочевников Центральной Азии новых персонажей происходило постепенно. Здесь переплетались черты новых и старых образов, в результате чего очень часто возникали различные полиморфные существа. В изображении на Каргалинской диадеме, видимо, и отразился подобный процесс, когда на образ грифона, совмещающий в себе признаки кошачьего хищника, хищной птицы и копытного, наложился ещё и черты пресмыкающегося (рис. 3-5). Изменение содержания образа вписывалось в старые иконографические каноны, в результате чего возникали синкретичные мотивы. Мифологическое и космологическое значение этих сюжетов не всегда было осмыслено. Часто это были ставшие привычными стереотипы в искусстве ранних кочевников (Ремпель Л. И., 1987, с. 74).

Единственная черта пресмыкающегося, которую, казалось бы, можно обнаружить в изображении фантастического существа на навершии из могильника Михайловский VI, это короткие проволочные отрезки, припаянные к верхней губе и напоминающие язык. На наш взгляд, они являются, скорее всего, остатками сломанной застёжки этой гривны. Похожий замок присутствует у гривны с навершиями в виде львов из кургана Солоха. Здесь проволочная застёжка также напоминает длинные языки, но их вряд ли можно рассматривать как деталь образа дракона (рис. 3-4) (Манцевич А. П., 1987, кат. 33). Похожее оформление замков можно встретить и на других изделиях этого типа (рис. 3-1,2) (Pfrommer M., 1990, Taf. 42, 3; Rehm E., 1992, Abb. 57 C. 1).

Несмотря на определённое сходство с изображениями гунно-сарматского времени, навершие из могильника Михайловский VI, на наш взгляд, гораздо ближе к более ранним горно-алтайским образцам скифо-сибирского звериного стиля V-IV вв. до н. э. (Пазырык I, Уландрык IV, к. 2). С последними сближают его, прежде всего, детали стилистического оформления — трактовка морды, рогов, глаз. По-видимому, V-IV вв. до н. э., по аналогиям из Горного Алтая, Сибирской коллекции Петра I, Амударьинского клада, следует датировать это изделие, как и весь курган в целом. Такую же дату предлагает и В. А. Могильников (Могильников В. А., 1997, с. 77). Возможно, находка подобного предмета говорит о каких-то связях этнической группы, оставившей курган 1 могильника Михайловский VI, и населения Горного Алтая скифского времени, чего ранее по материалам Кулунды не прослеживалось. Хотя и довольно затруднительно говорить по единичной находке, но, по всей видимости, курган 1 из могильника Михайловский VI следует относить к тому типу захоронений, откуда происходит Сибирская коллекция Петра I. Мы, конечно, не склонны утверждать, что непосредственно из больших курганов в Кулундинской степи собраны в начале XVIII века эти материалы, обнаруженные, по всей видимости, в более северных районах (в гороховских и саргатских могильниках) (Матвеев А. В., 1992), но то, что эти некрополи относятся к данному кругу памятников, на наш взгляд, может быть вполне допустимым.

Литература:

1. Авеста: в русских переводах (1861-1996). С-Пб., 1997. 478 с.
2. Афанасьева В. К. Шумеро-аккадская мифология // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 647-651.
3. Баркова Л. Л. Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве древнего Алтая // АСГЭ, 1985. Вып. 26. С. 30-44.
4. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА № 26. 347 с.
5. Бонград-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983. 208 с.
6. Боровка Г. Распространение древнегреческого сюжета через Скифию и Бактрию в древний Китай. Пер. с нем. В. А. Косикова, О. В. Костыри // Донецкий археологический сборник. Вып. 5. Донецк, 1994. С. 20-77.
7. Вишневская О. А. Культура сакских племён низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н. э. М., 1973. 160 с.
8. Геродот. История. М., 1993. 600 с.
9. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. М., 1970. 396 с.
10. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. 416 с.
11. Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1980. 67 с.
12. Замаровский В. Боги и герои античных сказаний. М., 1994. 400 с.
13. Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки нижней Сырдарьи. М., 1997. 188 с.
14. Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. М.-Л., 1949. МИА № 9. 246 с.
15. Ксенофонт. Киропедия. М., 1993. 334 с.
16. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
17. Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
18. Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
19. Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 52-56.
20. Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987. 144 с.
21. Матвеев А. В. Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблема происхождения сибирской коллекции Петра I // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, 1992. С. 162-179.
22. Матющенко В. И. Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 198 с.
23. Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. М., 1997. 196 с.
24. Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток // Советская археология. Вып. XIX. М., 1954. С. 141-158.
25. Рака И. В. Именной и предметный справочник-указатель // Авеста: в русских переводах (1861-1996). С-Пб., 1997. С. 413-470.
26. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. 402 с.

27. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. 350 с.
28. Руденко С. И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
29. Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I // САИ 1962. Вып. ДЗ-9. 51 с.
30. Самашев З. Граффити средневековых номадов // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. С. 259-269.
31. Сарияниди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. 240 с.
32. Телегин А. Н. Аварийные раскопки курганной группы Ключи III // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 103-106.
33. Телегин А. Н. Некоторые итоги второго года раскопок курганной группы Ключи 3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 138-141.
34. Телегин А. Н. Раскопки третьего кургана курганной группы Ключи 3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 140-142.
35. Черников С. С. Загадка золотого кургана: Где и когда зародилось скифское искусство? М., 1965. 110 с.
36. Шамшин А. Б., Демин М. А., Навротский П. И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 60-68.
37. Шамшин А. Б., Язовская А. Н. Могильник раннего железного века Нижний Кучук I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 153-157.
38. Якобсен Т. Сокровища тьмы: История месопотамской религии. М., 1995. 295 с.
39. Bunker E. C. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes: from the Artur M. Sackler collections. Seattle and London, 1997.
40. Calmeyer P. Zur Darstellung von Standersunterschieden in Persepolis // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin, 1991. Band 24. S. 35-51.
41. Cernenko E. V. Eisengepanzerten Ritter der skythischen Steppe // Rolle R., Müller-Wille M. Schietzel K. (ed.): Gold der Steppe. Archaeologie der Ukraine. Neumünster. 1991. S. 131-135.
42. Klocko S. Skythische Tracht // Rolle R., Müller-Wille M. Schietzel K. (ed.): Gold der Steppe. Archaeologie der Ukraine. Neumünster. 1991. S. 105-110.
43. Pfrommer M. Ein achamenidisches Amporenrhyton mit agyptischem Dekor // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin, 1990. Band 23. S. 191-203.
44. Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochellenistischen Goldschmucks. Tübingen, 1990.
45. Rehm E. Der Schmuck der Achameniden. Münster, 1992.
46. Salmony A. Sino-Siberian art. Paris, 1933.
47. Trümpelmann Leo. Zur Herkunft von Medern und Persern // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin, 1988. Band 21. S. 79-90.